

П.А. КРУШЕВАН – ДУМСКИЙ ОРАТОР: РИТОРИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЙ

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 16-34-01050
«Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы
(на материале публичных дискуссий начала XX века)»*

В статье на материале парламентских речей анализируется риторический портрет известного политика-националиста начала XX века П.А. Крушевана. Обосновывается научный интерес к выступлениям русских националистов с точки зрения риторики и стилистики. Определяется роль речевой деятельности депутатов-националистов в развитии русской парламентской риторики. Отражается общественный резонанс от присутствия П.А. Крушевана во Второй государственной думе в качестве депутата. Устанавливаются черты речевой кооперации: «мы – подход», обращение к аудитории, самооправдание.

Риторика, парламентская речь, национализм, П.А. Крушеван, аргументация, прагматика, эвфемизм, политический дискурс.

This article considers the features of public speeches of famous right-wing politician Pavolaky Krushevan in National Duma at the beginning of the twentieth century. The author substantiates scientific interest for Russian nationalists' speeches from rhetorical and stylistic point of view. The article analyzes Krushevan's rhetorical portret, the features of speech influence and arguments. The author compares the features of institutional and non-institutional Krushevan's speeches, and considers them in the context of Russian nationalist's speech practice at the beginning of the twentieth century. There are two intentional basics in Krushevan's speeches: cooperation and confrontation. The both intentions manifest themselves differently, but they coexist in particular speech.

Rhetoric, parliamentary speech, nationalism, P.A. Krushevan, argumentation, pragmatics, euphemism, political discourse.

Введение

Риторика консерваторов-националистов в дореволюционных государственных думах — явление практически не изученное по ряду причин. Во-первых, различные современные стереотипные представления о продуктах речевой деятельности русских националистов, сформировавшиеся под влиянием выступлений многих экстремистов-маргиналов рубежа XX–XXI веков, препятствуют опознанию в исследуемом материале ценного источника для изучения русской парламентской и шире — политической риторики. Во-вторых, сам институциональный контекст, в котором существовал националистический дискурс в дореволюционной Думе, был долгое время не разъясен, а приемы и средства речевого общения в дореволюционных парламентах не исследованы. Наконец, третья причина носит этический характер и связана с «неполиткорректностью» самого материала, который необходимо цитировать, анализировать и интерпретировать, пусть даже и в специализированных журналах.

В то же время современная политическая лингвистика и риторика вплотную подошли к изучению различного рода вербализаций национализма, стратегий и тактик националистического текста, способов убеждения и речевого воздействия, метафорический моделей. Так, например, работы А.П. Чудинова [12] и Э.В. Будаева [3] стали основополагающими для научной школы политической метафоры. В монографии Н.Б. Руженцевой рассматриваются дискредитирующие тактики в российском политическом дискурсе [11]. Развиваются также исследования в

области истории русской парламентской речи в прагматическом и персуазивном аспектах [7].

Выступления русских консерваторов-националистов в институтах власти начала XX века интересны как своим общественным резонансом, так и особым стилем, ядро которого составляли маркеры националистического дискурса. Если исходить из положения, что русская парламентская риторика двигалась по направлению от сословных дискурсных формаций (особенно в I Государственной думе) к идеологическим, собственно политическим формациям [8, с. 83], то скандальное появление и присутствие активных крайних монархистов, консерваторов и националистов могло послужить катализатором развития парламентской риторики. Речи лидеров этих фракций П.А. Крушевана, В.М. Пуришкевича, Н.Е. Маркова и других задавали тон в парламентах разных созывов, перепечатывались и обсуждались в газетах, а метафоры, аргументы и речевое поведение подвергались критике.

Русский парламентский дискурс начала XX века, включающий в себя дискуссии в Государственной думе, Государственном совете, а также в городских думах, отличается неоднородностью, стилистической и риторической разноплановостью [8, с. 83]. В первую очередь это было связано с активным формированием русского парламентского красноречия, развитием представлений как общества, так и самих депутатов о том, какой должна быть парламентская дискуссия и парламентская речь в целом.

Основная часть

В 1907 году впервые в парламент прошли некоторые скандальные политики, среди которых особенно выделялся Паволакий Александрович Крушеван. К этому времени Крушевана во многих газетах называли не иначе как «погромщик», «антисемит», «экстремист», «предводитель погромных банд» [10, с. 5]. В общественном мнении Крушевану отводилась роль подстрекателя в кишиневском погроме 1903 года.

Крушеван был профессиональным журналистом: в 1896 году в Кишиневе он основал газету «Бессарабец», а с конца 1903 года в Петербурге издавал газету «Знамя», в которой первым опубликовал знаменитые «Протоколы сионских мудрецов». Крушеван был известен как активный член «Союза русского народа», русский националист, монархист. Его избрание в Думу вызвало резкое возмущение у либеральной общественности, а появление на первом заседании парламента стало настоящим событием: «Первое же его появление в думском зале вызвало настоящую сенсацию среди народных представителей: газеты описывали шум, смешки и бесконечные перешептывания не левых скамьях. На Крушевана чуть ли не тыкали пальцами, приглашая посмотреть как на некое диво» [9, с. 96–97].

Интересно, что пребывание Крушевана во II Государственной думе получило сатирическое отражение в целом ряде произведений выдающихся русских литераторов. Александр Грин в своей «Элегии» 1907 года, представляющей собой пародию на стихотворение М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...», отводит депутату-националисту целую строфу и при этом воспроизводит активно тиражировавшийся в печати стереотип его причастности к еврейским погромам [6, с. 283]. Мастер фельетона и сатирических стихотворений А.В. Амфитеатров еще более едко откликнулся на присутствие Крушевана в парламенте в стихотворении «Автобиография обрушенного потолка», которое было посвящено известному инциденту, случившемуся 2 марта 1907 года. Крушеван в нем предстает в качестве «моральной причины» обрушения потолка Таврического дворца [1, с. 115].

Заметим, что в этих стихах собственно думская деятельность Крушевана не была отражена — общественность не могла смириться с самим официальным депутатским статусом этого политика. Депутаты и журналисты с нетерпением ожидали от лидера «Союза русского народа» агрессивных выступлений, думских скандалов и постоянных антисемитских высказываний, однако Крушеван их ожиданий не оправдал. Им было произнесено всего четыре развернутых выступления с трибуны в марте 1907 года, причем только в двух из них присутствует упоминание евреев. Историки связывают такую «пассивность» Крушевана с тем, что политик в условиях травли со стороны либеральной печати начал вести себя осторожнее, стремясь не давать газетам лишнего повода для насмешек и фельетонов [13, с. 131–132]. Думается, что это лишь одна из причин. Так как сам формат публичной политической дискуссии в институте власти был для Крушевана сравнительно

новым, произнесение речи перед представителями народа и перед всей Россией заставило оратора-националиста по-новому подойти к своим выступлениям.

Политическая и идеологическая основа выступлений Крушевана в Думе подробно проанализирована в работе И.П. Шорникова [13]. Темы дискуссий, в которых принял участие Крушеван в качестве оратора с трибуны, показательны: 6 марта он выступал в поддержку правительственной декларации Столыпина, 7 марта по вопросу предоставления помощи голодающим, 12 марта об отмене закона о военно-полевых судах, 27 марта принял участие в обсуждении бюджетной росписи. Последняя речь очень объемна, обстоятельна, и Крушеван предстает в ней скорее как экономист-любитель, чем яростный публицист.

В выступлениях Крушевана обращает на себя внимание наличие двух разнонаправленных тенденций: тенденции к кооперации и к конфронтации. И если последняя, казалось бы, вполне закономерна для речи любого политика-радикала, то с кооперацией все сложнее: во-первых, мало кто ожидал, что речь лидера «Союза русского народа» будет ориентирована на сотрудничество, а во-вторых, конвенциональная коммуникативная направленность свидетельствует о наличии у оратора неких конструктивных политических взглядов. Представляет интерес и взаимоотношение этих двух коммуникативных установок в выступлениях одного человека.

Под кооперацией в данной статье мы понимаем различного рода речевые средства, направленные на то, чтобы продемонстрировать аудитории готовность к сотрудничеству, к совместной речевой и политической деятельности. Это разнообразные сигналы конвенциональности, которые оратор посылает в первую очередь политическим противникам в парламенте. Термин «кооперация» мы заимствуем у П. Грайса практически в том же значении, в котором он используется в знаменитой дефиниции «принцип кооперации» [5], с той лишь оговоркой, что говорим не о логической основе любого речевого акта, а о риторических средствах достижения политического диалога.

В основе кооперационной направленности речей Крушевана лежит «мы-подход». При этом местоимение «мы» оратор использует как в значении «все депутаты Государственной думы» или «все подданные Российского государства», так и в значении «правые монархисты». Оратор активно идентифицирует себя как со всеми депутатами парламента, так и с узкой политической группой единомышленников.

Например:

1. *«Мы перед лицом мира, и я повторяю и могу повторить еще громче: ответственность, которую мы несем сейчас, мы ее несем не только перед нашей родиной, а перед всем человечеством, потому что никогда в жизни ни одного народа не совершалось такого позора, такого оскорбления жизни, какое совершается сейчас у нас»* [4, с. 149].

2. *«А мы отвечаем: мы, правые, народом призваны, и в этом наше право, потому что ни один народ,*

который верит в свою родину, ни один народ, который создал великую Россию, никогда того позора и ужаса, который мы теперь переживаем, переживать не пожелает» [4, с. 148].

Второй случай использования местоимения «мы» особенно интересен, так как в одном предложении сочетаются объединительная и выделительная функции.

К этому приему примыкает и другое проявление кооперации — активное обращение оратора к аудитории как с вопросами, так и с обращениями. Диалогичность можно увидеть в частом употреблении местоимения «Вы» применительно ко всем слушателям-депутатам: «Вам известна моя деятельность... 25 лет моей работы были посвящены бескорыстному служению русскому народу, служению, которое лично мне ничего не дало» [4, с. 233], «Среди вас есть такая масса людей, готовых приносить себя в жертву народу и освободить этот народ, что, мне казалось бы, в этом отношении вы должны бы всей душой откликнуться на другое решение этого вопроса» [4, с. 234]. Примечательно, что приведенные в пример высказывания не включены в антитетические единства и бинарные оппозиции типа «вы говорите — я возражаю», которые являются типичными проявлениями конфронтационных стратегий [7, с. 107–110]. Наоборот, оратор апеллирует к знаниям парламентариев и к их нравственным качествам, тем самым показывая готовность учитывать мнение слушателей.

Интерес представляет и использованный несколько раз в разных выступлениях речевой ход разрушения негативного стереотипного представления об ораторе. Суть его заключается в попытке убедить Думу в своей искренности и политической чистоте. Особенно важно, что эти попытки сопровождаются непосредственным обращением к депутатам. «Господа, я не сомневаюсь относительно того, что, может быть, у многих из вас является сомнение относительно верности высказанного мною; вы можете подумать, не есть ли это попытка с моей стороны лавировать, или заигрывать, или что-нибудь подобное. Я говорю не от имени той партии, к которой имею честь принадлежать, я вошел сюда, в этот храм свободы, не для того, чтобы заигрывать. Я высказываю свое мнение, как то велит мне долг русского гражданина, который прежде всего и всегда должен с честью нести национальное достоинство своего народа» [4, с. 378]. Поводом к подобным высказываниям послужила неожиданная позиция Крушевана по ряду вопросов, обсуждавшихся в Думе. Например, он обескуражил политических оппонентов, выступив за отмену военно-полевых судов. Не менее странной для политика-радикала было демонстративно негативное отношение к любому кровопролитию, что, впрочем, объяснялось неприятием революции.

Большую роль в установке на кооперацию в речах Крушевана играла эвфемизация. В общем смысле под эвфемизмом понимается слово или выражение, как правило, с нейтральной эмоциональной окраской, употребляемое в определенных условиях с целью замены такого синонимичного ему слова или

выражения, которое представляется автору высказывания неуместным, грубым или нетактичным [2, с. 355]. В речах Крушевана интересен объект эвфемизации — в основном это все то, что связано с прямым обозначением евреев, а также политических противников. Например, вместо националистического штампа «лживая еврейская печать» (он, нужно заметить, два раза встречается и в думских выступлениях Крушевана, но гораздо чаще в его неинституциональных речах: на митингах, собраниях, встречах с однопартийцами) политик произносит фразу «О, если бы только тут действительно была эта правда, если бы не та печать, нерусская, которая, муслируя общественное мнение, заполняет всякой ложью народную душу, одурачила народ, если бы не это, вы увидели бы и услышали здесь совершенно другое» [4, с. 233–334].

Под конфронтацией в парламентской речи мы понимаем широкий спектр речевых маркеров, выражающих неприятие оратором высказываний и поступков своих оппонентов и содержащих их негативную оценку. Сюда относятся и высказывания, направленные на понижение политического статуса адресата: обвинения, оскорбления, насмешки и т. п. Проявления конфронтации в выступлениях П.А. Крушевана достаточно яркие, но редкие однообразные. Это несколько эмоциональных вспышек, связанных, как правило, с провокационными высказываниями с места политических противников. Реакция на эти выкрики у Крушевана чаще всего была одна и та же — использование сниженной лексики для характеристики оппонентов, что, в свою очередь, вызывало возмущение парламентариев: «За десять лет существования газеты я собрал полмиллиона в пользу тех же голодающих, о которых вы здесь **болтаете**. (Голоса: «К порядку!») Протестующие возгласы.» [4, с. 378].

Визитной карточкой Крушевана стало ироническое переосмысление введенного в оборот еще в первом русском парламенте обращения к депутатам «господа народные представители». Оратор использовал это выражение в тех случаях, когда хотел показать свое сомнение в искренности намерений депутатов и их пользе для народа: «Только их [военно-полевых судов] отмена даст право крестьянам устоять в борьбе с эксплуататорами, с теми эксплуататорами, которые прекрасно заставляют молчать печать о действительном положении народа, да и вас, господа представители интересов народа» [4, с. 379]. Под эксплуататорами Крушеван понимал в первую очередь евреев: «Вот откуда идет это движение, так называемое аграрное, которое, в сущности, имеет другой смысл — закабаление народа его эксплуататорами, среди которых главную роль играют евреи» [4, с. 378]. Несмотря на частую эвфемизацию, оратор-националист не мог обойти в своих речах еврейский вопрос, так как эта проблема виделась Крушевану ключевой для российской политики и экономики.

Обращает на себя внимание и присутствие в выступлениях лидера черносотенного движения активно использовавшегося еще в I Государственной думе приема народной легитимизации. Суть данного ре-

чевого хода заключается в том, что оратор подчеркивает, что именно он является выразителем мнения народа, а иногда даже как бы цитирует народ и говорит от его имени. Конфронтационность данного приема достаточно высока: большинство парламентариев, используя народную легитимизацию в своих выступлениях, подчеркивали свое исключительно право на выражение мнения избирателей и отказывали в таком же статусе политическим оппонентам. *«Я предполагал сейчас говорить о другом, но говорю с чувством гордости и с чувством веры, что я действительно являюсь выразителем воли русского народа, и вы завтра об этом услышите. Я говорю, народ прислал меня и сказал: обратитесь к Думе, просите, чтобы она высказала свое порицание тем способам борьбы, которую ведут люди, уверяющие, что они нам желают добра, тогда как мы верим, что для этого есть один единственный путь — мирная культурная работа»* [4, с. 234].

Выводы

Риторический портрет П.А. Крушевана интересен тем, что всего в четырех думских выступлениях ярко проявились разнонаправленные тенденции к кооперации и конфронтации. При этом риторические маркеры кооперации более разнообразны и неожиданны. Особенно интересны приемы эвфемизации и самооправдания. Крушеван не стал инициатором или участником думских скандалов, как этого от него ожидали самые разные политические силы и особенно журналисты. Произнесение речи перед представителями народа и перед всей Россией заставило оратора-националиста по-новому подойти к своим выступлениям — институциональные ограничения, накладываемые парламентом на высказывания депутатов, становились все сильнее. Необходимо признать, что Крушеван в своих думских речах был ориентирован на диалог, демонстрировал свою открытость и открытость. Но отсутствие институционального риторического опыта сказалось в первую очередь на том, что оратор был слишком эмоционален, остро реагировал на провокации и попытки втянуть себя в скандал, что нашло выражение в эпизодических, но резких проявлениях конфронтационности и в снижении регистра выступлений до митингового уровня.

Литература

1. Амфитеатров А.В. Автобиография обрушенного потолка // Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л., 1969. С.115.
2. Баринаева А.В. Эвфемизм // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2005. С. 355–356.
3. Будаев Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. Нижний Тагил, 2007. 149 с.
4. Государственная дума. Созыв второй. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Т. 1. Заседания 1–30. СПб., 1907. 2344 с.
5. Грейс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.

6. Грин А.С. Элегия // Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л., 1969. С. 283.
7. Громыко, С.А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года. Вологда, 2010. 216 с.
8. Громыко С.А. Язык российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 82–91.
9. Некрасов Н.В. В ожидании скандала: депутат II Государственной думы П.А. Крушеван в зеркале периодической печати // Герценовские чтения 2012. СПб., 2013. С. 90–107.
10. Крушеван П.А. Знамя России. М., 2015. 720 с.
11. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. 294 с.
12. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006. 254 с.
13. Шорников И.П. «Христианский социализм» П.А. Крушевана // Русин. 2008. № 1-2 (11-12). С. 130–140.

References

1. Amfiteatrov A.V. Avtobiografiia obrushennogo potolka [Autobiography of the collapsed ceiling]. *Stikhotvornaia satira pervoy russkoi revoliutsii* (1905–1907) [Verse satire of the first Russian revolution (1905–1907)]. Leningrad, 1969, pp.115.
2. Barinova A.V. Evfemizm [Euphemism]. *Entsiklopedicheski slovar'-spravochnik. Vyrzitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Collegiate Dictionary. The expressive means of Russian language and speech errors and omissions]. Moscow, 2005, pp. 355–356.
3. Budaev E.V. *Postsovetkaia deystvitel'nost' v metaforakh rossiyskoi i britanskoi pressy* [The post-Soviet reality in metaphors of Russian and British press]. Nizhniy Tagil, 2007, 149 p.
4. *Gosudarstvennaia дума. Sozvyv vtoroy. Stenograficheskie otchety. Sessia vtorai. T. 1. Zasedaniia 1–30* [The State Duma. The convening of a second. Verbatim records. Session Two. T. 1. Meetings 1–30]. St-Peterburg, 1907, 2344 p.
5. Grays G.P. Logika i rechevye obshchenie [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Linguistic Pragmatics. Vyp. 16. *Lingvisticheskaia pragmatika*. Moscow, 1985, pp. 217–237.
6. Grin A.S. Elegiia [Elegy]. *Stikhotvornaia satira pervoy russkoi revoliutsii* (1905–1907) [Verse satire of the first Russian revolution (1905–1907)]. Leningrad, 1969, p. 283.
7. Gromyko S.A. *Priemy i sredstva rechevogo obshcheniia v I Gosudarstvennoy dume 1906 goda* [Methods and means of verbal communication in the I State Duma in 1906]. Vologda, 2010. 216 p.
8. Gromyko S.A. *Iazyk rossiiskogo parlamenta: stanovlenie otechestvennoi parlamentskoi kommunikatsii v nachale XX veka* [Language Russian parliament: the emergence of the domestic parliamentary communication in the early twentieth century]. *Politicheskai lingvistika* [Political Linguistics]. 2011, № 2 (36), pp. 82–91.
9. Nekrasov N.V. *V ozhidanii skandala: deputat II Gosudarstvennoi dумы P.A. Krushevan v zerkale periodicheskoi pechati* [In anticipation of the scandal: the deputy of the State Duma II PA Krushevan in the mirror periodicals reading]. *Gertsenovskie chteniia 2012* [Gertsenovskie 2012]. St-Peterburg, 2013, pp. 90–107.
10. Krushevan P.A. *Znamya Rossii* [Banner Russian]. Moscow, 2015, 720 p.
11. Ruzhentseva N.B. *Diskreditiruiushchie taktiki i priemy v rossiiskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg, 2004. 294 p.

12. Chudinov A.P. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, 2006. 254 p.

13. Shornikov I.P. «Khristianskii sotsializm» P.A. Krushevana [Christian socialism P.A. Krushevan] *Rusin* [Rusin], 2008, № 1–2 (11–12), pp. 130–140.

УДК 81'42

Е.С. Зиновьева

*Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент О.В. Лукин
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского*

ДИСКУРС РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ

В статье дается определение медиалингвистики как актуального научного направления по изучению медиадискурса и языка СМИ; рассматриваются русскоязычные гляцевые журналы как тип периодических изданий, выделяются особенности их дискурсивного пространства; приводятся основные признаки дискурса гляцевых журналов, коммуникативные стратегии, лингво-риторические принципы, раскрывается сущность понятия «медiateкст», подчеркиваются стилистические особенности текстов гляцевых журналов.

Дискурс, язык СМИ, медиалингвистика, гляцевые журналы, медiateкст.

The article gives the definition to such a popular scientific field of studies as media linguistics, which deals with media discourse and the language of mass media; glossy magazines are considered as a type of modern periodicals; the author mentions the principal features of the discourse of glossy magazines, communication strategies, linguistic and rhetorical principles, reveals the essence of the notion “media text”, highlights the stylistic features of the texts of glossy magazines.

Discourse, language of mass media, media linguistics, glossy magazines, media text.

Введение

Средства массовой информации, являясь одной из культурно-социальных практик, активно формируют современную языковую картину мира. Благодаря новым эпистемологическим методикам, вошедшим в научный обиход в последние годы, язык СМИ рассматривается как в междисциплинарном плане, так и в философско-научных аспектах нелинейности, многофакторности, многофункциональности, т.е. в сложных аспектах научного проникновения в феноменальную сущность явления, далеко оторвавшихся от упрощенного структурально-функционального подхода.

Язык СМИ и текст как фактурная реализация этого языка стали объектом внимания медиалингвистики. Активное исследование языка СМИ и формирование нового раздела лингвистики началось за рубежом во второй половине XX в. В настоящее время медиалингвистика играет важную роль в качестве самостоятельного направления в изучении языка СМИ. Одним из объектов изучения медиалингвистики являются гляцевые журналы как популярный тип периодических изданий.

Основная часть

В условиях информационного общества формирование картины мира почти полностью зависит от СМИ. «Именно язык СМИ является тем кодом, той универсальной знаковой системой, с помощью которой в индивидуальном и массовом сознании формируется картина окружающего мира. Специалисты по медиапсихологии признают, что сегодня восприятие человеком окружающего мира в очень большой степени зависит от того, каким представляют этот мир

средства массовой информации. Не располагая собственным опытом огромного количества происходящих в мире событий, мы вынуждены строить своё знание об окружающей действительности на медиареконструкциях и интерпретациях, которые в силу самой своей природы идеологичны и культуроспецифичны» [6, с. 10].

Медиалингвистика изучает роль СМИ в динамике языковых процессов и функционально-стилистический статус медиаречи, рассматривает основные типы медiateкстов, их структуру и динамику, анализирует лингво-форматные признаки новостных, информационно-аналитических, публицистических, рекламных текстов, а также исследуются медiateксты в рамках межкультурной коммуникации.

По мнению Т.Г. Добросклонской, медиалингвистика определяется как дисциплина, занимающаяся изучением «функционирования языка в сфере массовой коммуникации» [5, с. 13]. В широком понимании массовая коммуникация «представляет собой институционализированное производство и массовое распространение символических материалов посредством передачи и накопления информации» [15, с. 219]. Необходимость изучения языка медиа исследователь обосновывает тем, что СМИ взяли на себя функции «формирования общественного мнения, создания определенного идеологического фона, пропаганды той или иной системы ценностей, движения языковой нормы, состояния национальной культуры» [5, с. 19].

Медиалингвистика занимается изучением всей сложной структуры текстов СМИ – «влиянием способов создания и распространения медiateкстов на их лингво-форматные особенности, вопросыми